

Мастер эпического повествования

В нашей критике — за малым исключением — установилось какое-то безразличное снисходительное отношение к историческим романам А. П. Чапыгина. Это досадно. Наша критика не уделяет им заслуженного внимания. Объясните это можно лишь неизжитыми еще сибирскими предрассудками.

Несравненно большие художественные проказы проявляли широкие круги читателей, среди которых романы Чапыгина пользуются большой любовью и популярностью.

А. М. Горький видел в Чапыгина замечательный пример таланта, принадлежащего народным низам, пример того, каких великих художников способны дать «люди черненые» русской деревни.

О романе Чапыгина «Степан Разин». А. М. Горький дал такой восторженный отзыв, какой он редко давал произведениям других современных ему писателей:

«Такой исторической книги в нашей литературе не было — так говорит мне мое чувство...». «Для меня ваша книга — как старинное ожерелье, пельмы, выпущены на него из единой бисеринки. В том же числе? Чем вызывается тот разрыв душевного напряжения, то чувство обновления, с какими мы следим за действиями героя в эпосе? В чем заключается их пленительное воздействие на нашу душу?»

Эпос изображает человека, свободного в своем теле и действиях или же своими действиями стремящегося к этой свободе. Свободного — в своем отношении к несправедливым оковам отсталого общества — и в фантастических частях эпоса — даже в отношении законов природы. В мифологических, легендарных или фантастических склонных частях эпоса изображение этой свободы иррационально; это лишь в воображении осуществленные общечеловеческие мечтания. Свобода основывается здесь на сверхчеловеческих силах и чудесах. В более реалистических в собственном смысле слова «былинных» частях эпоса свобода выступает как результат необычайной, но естественной одаренности человека: его могущества, знания, мудрости, храбрости, при помощи которых герой одолевает и покоряет даже сверхчеловеческие силы. Вера в творческие возможности человека составляет основу таких представлений. Собственный смысл и глубокое значение эпоса в том именно и заключается, что он представляет собой драматическую или трагическую повесть о герическом действии, направленном к высоким целям.

Способно было бы допустить, что тут речь идет об обыкновенной нежности и поощрительных комплиментах. Таких восторженных похвал Алексей Максимович зря не расточал.

А. М. Горький успел прочесть лишь первую часть «Гулящих людей» и о ней писал Чапыгину (12 мая 1934 г.): «Прочитана с великим интересом и радостью: книга будет хорошая — надолго».

С обычной эмоциональностью, с которой Горький отзывался о Чапыгине, он писал ему (1934): «люблю... за северное сияние вашего таланта».

*
Способность творческих ощущений и художественного изображения героя, воплощающего в себе наиболее воззванные стремления народа, — большое и редкое счастье. Такая способность зависит не только от личных свойств поэта. Но — и главным образом — от общественно-исторических условий, в которых художник создает свои творения. Героическая большевистская борьба за счастье человечества является для художника исходной точкой, дающей ему возможность разглядеть истинного героя. При всей дополнительности исторического рисунка в книгах «Степан Разин» и «Гулящие люди» явно чувствуется вянение нашего социалистического времени.

Чапыгин в наше время находит путь к эпическому. Мало у него наших писателей творчества в такой степени проявлено духом эпоса, который своим корням глубоко уходит в народное сознание. Это есть цельное, поэтически обобщенное, пластическое изображение о герическом действии, направленное на воспроизведение истории, которая дает нам описание эпически «наивного», не разделенного в душе, уверенного в себе, героя, совершающего подвиг. Мы испытываем радость и наслаждение при виде того, как человек разбивает оковы уродливого, несправедливого общественного порядка, как он покоряет неизбушную природу. Наши переживания мы как будто сами участвуем в покорении жизни, в преодолении смерти, а эти чувства, вызываемые апическим повествованием, в свою очередь содействуют открытию новых источников творческой деятельности человека.

То впечатление эпичности, которое вызывает исторические романы Чапыгина, кроется именно в этих чертах полиптического «наивного» героя.

Стремление угнетенного народа разрешить накопившуюся отсталость в развитии общества в долгорусские времена, а вместе с тем и прекрасные качества русского народа, его мужественное стремление к свободе, достигшее в это время своей высшей точки в движении Разина и в рядах бунтов (солнечный бунт, медный бунт, стрелецкие бунты и др.). Чапыгин сурохо и обнаженно рисует эту эпоху. Однако произведения его дышат почти чувственной любовью к народу, горячей верой в его творческие силы.

«Степан Разин» и «Гулящие люди» — русские произведения, но они имеют вместе с тем всемобщий характер, ибо в них изображены исторические моменты,ственные почти всей Европе, с конца XV ст. и до конца средневековья — но конкретизированные на материалах Чапыгина.

С суровой правдивостью Чапыгин рисует затянувшуюся отсталость в развитии общества в долгорусские времена, а вместе с тем и прекрасные качества русского народа, его мужественное стремление к свободе, достигшее в это время своей высшей точки в движении Разина и в рядах бунтов (солнечный бунт, медный бунт, стрелецкие бунты и др.). Чапыгин сурохо и обнаженно рисует эту эпоху. Однако произведения его дышат почти чувственной любовью к народу, горячей верой в его творческие силы.

«Степан Разин» и «Гулящие люди» — русские произведения, но они имеют вместе с тем всемобщий характер, ибо в них изображены исторические моменты,ственные почти всей Европе, с конца XV ст. и до конца средневековья — но конкретизированные на материалах Чапыгина.

С суровой правдивостью Чапыгин рисует затянувшуюся отсталость в развитии общества в долгорусские времена, а вместе с тем и прекрасные качества русского народа, его мужественное стремление к свободе, достигшее в это время своей высшей точки в движении Разина и в рядах бунтов (солнечный бунт, медный бунт, стрелецкие бунты и др.). Чапыгин сурохо и обнаженно рисует эту эпоху. Однако произведения его дышат почти чувственной любовью к народу, горячей верой в его творческие силы.

«Степан Разин» и «Гулящие люди» — русские произведения, но они имеют вместе с тем всемобщий характер, ибо в них изображены исторические моменты,ственные почти всей Европе, с конца XV ст. и до конца средневековья — но конкретизированные на материалах Чапыгина.

С суровой правдивостью Чапыгин рисует затянувшуюся отсталость в развитии общества в долгорусские времена, а вместе с тем и прекрасные качества русского народа, его мужественное стремление к свободе, достигшее в это время своей высшей точки в движении Разина и в рядах бунтов (солнечный бунт, медный бунт, стрелецкие бунты и др.). Чапыгин сурохо и обнаженно рисует эту эпоху. Однако произведения его дышат почти чувственной любовью к народу, горячей верой в его творческие силы.

«Степан Разин» и «Гулящие люди» — русские произведения, но они имеют вместе с тем всемобщий характер, ибо в них изображены исторические моменты,ственные почти всей Европе, с конца XV ст. и до конца средневековья — но конкретизированные на материалах Чапыгина.

С суровой правдивостью Чапыгин рисует затянувшуюся отсталость в развитии общества в долгорусские времена, а вместе с тем и прекрасные качества русского народа, его мужественное стремление к свободе, достигшее в это время своей высшей точки в движении Разина и в рядах бунтов (солнечный бунт, медный бунт, стрелецкие бунты и др.). Чапыгин сурохо и обнаженно рисует эту эпоху. Однако произведения его дышат почти чувственной любовью к народу, горячей верой в его творческие силы.

«Степан Разин» и «Гулящие люди» — русские произведения, но они имеют вместе с тем всемобщий характер, ибо в них изображены исторические моменты,ственные почти всей Европе, с конца XV ст. и до конца средневековья — но конкретизированные на материалах Чапыгина.

С суровой правдивостью Чапыгин рисует затянувшуюся отсталость в развитии общества в долгорусские времена, а вместе с тем и прекрасные качества русского народа, его мужественное стремление к свободе, достигшее в это время своей высшей точки в движении Разина и в рядах бунтов (солнечный бунт, медный бунт, стрелецкие бунты и др.). Чапыгин сурохо и обнаженно рисует эту эпоху. Однако произведения его дышат почти чувственной любовью к народу, горячей верой в его творческие силы.

«Степан Разин» и «Гулящие люди» — русские произведения, но они имеют вместе с тем всемобщий характер, ибо в них изображены исторические моменты,ственные почти всей Европе, с конца XV ст. и до конца средневековья — но конкретизированные на материалах Чапыгина.

С суровой правдивостью Чапыгин рисует затянувшуюся отсталость в развитии общества в долгорусские времена, а вместе с тем и прекрасные качества русского народа, его мужественное стремление к свободе, достигшее в это время своей высшей точки в движении Разина и в рядах бунтов (солнечный бунт, медный бунт, стрелецкие бунты и др.). Чапыгин сурохо и обнаженно рисует эту эпоху. Однако произведения его дышат почти чувственной любовью к народу, горячей верой в его творческие силы.

«Степан Разин» и «Гулящие люди» — русские произведения, но они имеют вместе с тем всемобщий характер, ибо в них изображены исторические моменты,ственные почти всей Европе, с конца XV ст. и до конца средневековья — но конкретизированные на материалах Чапыгина.

С суровой правдивостью Чапыгин рисует затянувшуюся отсталость в развитии общества в долгорусские времена, а вместе с тем и прекрасные качества русского народа, его мужественное стремление к свободе, достигшее в это время своей высшей точки в движении Разина и в рядах бунтов (солнечный бунт, медный бунт, стрелецкие бунты и др.). Чапыгин сурохо и обнаженно рисует эту эпоху. Однако произведения его дышат почти чувственной любовью к народу, горячей верой в его творческие силы.

«Степан Разин» и «Гулящие люди» — русские произведения, но они имеют вместе с тем всемобщий характер, ибо в них изображены исторические моменты,ственные почти всей Европе, с конца XV ст. и до конца средневековья — но конкретизированные на материалах Чапыгина.

С суровой правдивостью Чапыгин рисует затянувшуюся отсталость в развитии общества в долгорусские времена, а вместе с тем и прекрасные качества русского народа, его мужественное стремление к свободе, достигшее в это время своей высшей точки в движении Разина и в рядах бунтов (солнечный бунт, медный бунт, стрелецкие бунты и др.). Чапыгин сурохо и обнаженно рисует эту эпоху. Однако произведения его дышат почти чувственной любовью к народу, горячей верой в его творческие силы.

«Степан Разин» и «Гулящие люди» — русские произведения, но они имеют вместе с тем всемобщий характер, ибо в них изображены исторические моменты,ственные почти всей Европе, с конца XV ст. и до конца средневековья — но конкретизированные на материалах Чапыгина.

Иллюстрации художника Л. Ф. Голованова к книге А. Гайдара «Школа», выходящей в Детиздате.

Л. АВИЛОВА

Последнее свидание

Печатаемый отрывок представляет собой главу из рукописи писательницы Л. А. Авиловой «А. П. Чехов в моей жизни (наш роман)», которая подготовлена к печати и выйдет в свет в издании Литературного музея.

— А у вас есть с собой теплее пальто? — вдруг спросил Антон Павлович. — Сегодня очень холодно, хотя 1-е мая. Я в драповом сязь, пока сюда ехал.

— И я очень жалко, что вы ехали, — сказала я. — Еще простудитесь по моей вине.

— А с вашей стороны безумне ехать в одном костюме. Знаете, я сейчас напишу записку Маше, чтобы она привезла вам свое драповое. Я сейчас же пошлю...

Мне стоило большого труда уговорить его отказаться от этой мысли.

— Так телеграфируйте мне, если простудитесь, и я приду вас лечить. Я хороший доктор. Вы, кажется, не верите?

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не лечить, а погодите. — Я сейчас же перевел разговор на другие.

— Принесите ко мне не

ШИРВАНЗАДЕ

К пятилетию
со дня смерти

Р. ПЕРЕСВЕТОВ

У радиоприемника

Ширванзаде (Александр Мовсесян) родился в Шемахе в 1858 году, в семье ремесленника-портного.

Шемаха в далекую пору персидского ханства была центром Ширванского ханства (отсюда и псевдоним писателя «Ширванзаде», что означает сын Ширвазы).

Шестилетним мальчиком Ширванзаде стал посещать спирва Шемахинскую армяно-персидскую школу, откуда родители взяли его спустя два года, опасаясь проплыть «вертиками»; потом армянскую спаэрханскую. Но и этой школе он остается недолго.

«Отец мой хотел, — пишет Ширванзаде в своей автобиографии («Через горнило жизни»), — чтобы я владел русским языком лучше, чем армянским. Армянский язык, говорил он, хлеба тебе не даст, если только ты не захочешь стать попом или монахом...»

Ширванзаде поступает в уездное русское училище, которое и кончает 15 лет. Тем временем дела отца так пошатнулись, что юноше нечего было и думать продолжать свое образование. Для него начинается упорная, тяжелая борьба за кусок хлеба. Заработка его для «поддержания существования матери и двух сестер» нехватает, и 17-летний юноша отправляется в поисках счастья в Баку — в центр мечтаний тогдашней молодежи и место сказочных, фантастических обогащений.

Но Баку сурово встречает будущего писателя. Все та же низко оплачиваемая служба — в канцеляриях губернского суда, в нефтяных промыслах (счетным работниками), у фабриканта. Все то же тяжелое материальное положение. Только мир наблюдений бесконечно расширялся для него. Умный, вдумчивый юноша склоняется и отлагает в своей творческой памяти все: и мелкие склонные дела, проходящие через губернский суд, и уголовные проказы хищников-капиталистов, и тяжелый быт рабочих-нефтяников, и целую галерею типов бакинского торгового мира. Он учится у жизни, узнает и крепко запоминает огромное количество деталей, о которых подчас не знает до конца своей жизни писатель, имеющий лишь школьный и университетский запас знаний.

До самой смерти Ширванзаде мог счи-
таться одним из лучших знатоков нефть-
промышленного мира 80-х и 90-х гг.
прошлого столетия. Именно знание деталей, замечательная глубокая конкретность
поразили читателей в первом свежем про-
изведении Ширванзаде «Пожар на нефть-
ном промысле».

Одновременно с учебой у жизни Шир-
ванзаде учился у книг, он жадно погло-
щал все, что ему попадалось под руку.

«Не было у меня никакой программы, —
читаем в автобиографии Ширванзаде, — я читал все, что попадалось: сегодня — Спенсер, завтра — Лассалль, Риккардо, Сен-Симона, Прудона и т. д. С революционной литературой знакомился я урывками. Чтение беллетристических книг начал с авантюрных романов и лишь потом перешло к классикам прозы и поэзии».

Довольно быстро, что поиски своей настоящей профессии, пробуждение литературного таланта у Ширванзаде были связаны со своеобразными нравственными стремлениями. Его влекло в литературу не только дарование, но и желание найти в окружении его омуте нравственную опору, которая помогла бы ему сохранять чистоту и удержать от проторенных путей.

«Перехода с одной службы на другую... я все больше и больше убеждался, что в этой сплошной грязи нужно выработать импульс, и таковым я считал литературу. Находясь в жизни, я чувствовал себя вне ее: золото меня не прельщало... Я был в роли наблюдателя и исследователя среды, поэтому мои славные руки были застрахованы от грязи...»

Необходимость найти нравственную опору в литературе вызывалась тогдашней

Б. РЕЙХ

ОСВОБОЖДЕНИЕ ФАНТАЗИИ

Драматургический продукция последне-
го времени отмечена одной своеобразной
чертой: в ней сквозится творческое бес-
контактство, стремление пробиться на доро-
гу, которую ведет к настоящему искусст-
ву. Хотя советская драматургия сумела завоевать в репертуаре истекшего се-
века относительно скромное место, это
в основе ожиданий наших театров пьесы со-
ветских драматургов лишь в виде неко-
личества шаржей массового разонанса, — об этой своеобразной черте их ис-
кусства стоит поговорить.

В «Домике», комедии Катаева, идущей пока на периферийной сцене, некоторые
части драматургического пения — среди них и такие, которые играют в этом пе-
лом решавшей роли, — не выдерживают
очень статики с действительностью. Совер-
шенно непривычно, чтобы советское пра-
вительство вынесло постановление о пе-
ременении имелки широкий массовый разонанс, — об этой своеобразной черте их ис-
кусства стоит поговорить.

В «Домике», комедии Катаева, идущей пока на периферийной сцене, некоторые
части драматургического пения — среди них и такие, которые играют в этом пе-
лом решавшей роли, — не выдерживают
очень статики с действительностью. Совер-
шенно непривычно, чтобы советское пра-
вительство вынесло постановление о пе-
ременении имелки широкий массовый разонанс, — об этой своеобразной черте их ис-
кусства стоит поговорить.

А что, если в этой экзальтированности скрывается зарядный смысл? Героиня Па-
устовского — артистка, после глянцевых
переводов на папиросах пут в нашу жизнь. Тем сильнее чувствует и пенист она все то, что дает нам жизнь: возмож-
ность открыто проявлять свою потреб-
ность в радости, возможность удовлетво-
рить эту потребность. Она не хочет ли-
шить себя ни одной крепости, той радости,
которую доставляет ее неожиданный приезд и которую она, дарявшая эту ра-
дость, будет переживать вместе с ним.

Всеми, вероятно, что прообраз герояна Паустовского, живая женщина, послала бы прозаическую телеграмму о привезении и что потребность ее в радости оказалась бы при других обстоятельствах, или толь-
ко что шагнула в нее, несознан-

ием. Так, несмотря на неправдоподобие отдельных моментов, комедия Катаева — реалистическое произведение. Позитивные
воздействия, которые позволяют себе Катаеву, трудно даже назвать недостатками. На-
против, фантастика сродни новому миру,
показанному в комедии, этому моному, необычайному, скованному миру нашей страны, она подчеркивает его реальность, как зеленые тона Гольбейна подчеркива-

СТАЛИНСКИЕ СТИПЕНДИАТЫ

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Постановлением обединенного заседания президиума Академии наук СССР и Комитета по делам высшей школы при СНК СССР члену союза советских писателей кандидату филологических наук О. В. Чехонину назначена стипендия для подготовки к докторской диссертации.

— Тема подготовляемой мною диссертации на степень доктора филологических наук — «Творческий путь Ф. М. Достоевского», сообщила корреспонденту «Литературной газеты» тов. Чехонинец. — Своей задачей я ставлю исследование основных проблем, возникших в связи с литературной и публицистической деятельностью Достоевского.

Большинство теоретических работ, связанных с Достоевским, выпущенных в дореволюционное время в России и за границей, трактовало наследие Достоевского с идеалистических позиций. Работы Д. Мережковского, А. Булгакова, Вяч. Иванова устанавливали реакционную легенду о Достоевском, которая, к сожалению, и поныне не преодолена во многих работах о писателе. Особенно это ощущается при знакомстве с зарубежными исследованиями.

Советское литературоведение до сих пор не пересмотрело установленные традиции. Меж тем творчество Достоевского, заключающее в себе огромное богатство мыслей и психологического анализа, позволявшее А. М. Горькому поставить великого русского писателя в один ряд с такими гениями мировой литературы, как Шекспир, содержит и резкую критику (правда, часто не с прогрессивных позиций) современного капиталистического общества.

Отдельные главы моей работы будут посвящены следующим темам: Достоевский и социально-политический роман 60—70-х годов; Достоевский и философский роман 70—80-х годов; поэтика писателя; Достоевский и традиция классической русской литературы (Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Л. Толстой); Достоевский и зарубежная литература (Бальзак, Гюго, Диккенс и др.); Достоевский и современность. Свой диссертацию я предполагаю закончить к 1942 году.

*

Из научных работников в области литературы и языка сталинские стипендиаты получили докторант И. В. Абдуллаев, старший научный сотрудник Института языка, истории и материальной культуры имени Н. Я. Марка, Грузинского филиала Академии наук СССР, и четыре аспиранта, работающие на кандидатскими диссертациями.

И. В. Абдуллаев состоит доцентом по кафедре арменологии и имеет ряд научных трудов. Тема его докторской диссертации — «Грузино-армянские литературные связи в IX—XIII веках».

Хулиев Мирза-ага-Юзбаш, аспирант Института литературы и языка Азербайджанского филиала Академии наук СССР. Работает над диссертацией на тему «Творчество Нестими».

М. Я. Гринблат, аспирант Института истории Академии наук БССР. Пишет диссертацию на тему «Фольклор гражданской войны».

А. М. Макарян, аспирант Института языка и литературы Армянского филиала Академии наук СССР. Тема его кандидатской диссертации — «Художественные произведения Налбандяна».

Г. С. Шардзенидзе, аспирантка Тбилисского государственного университета. Работает над сочинением «Классификации языков и их принципов».

ЭРИХ ВАЙНЕРТ.
К 50-летию со дня рождения

О точных справках и проверенных выводах

В № 8 журнала «Литературная учеба» за этот год помещена статья-консультация О. Савич «Работы над рассказом». Оставаясь в стороне от слишком самоуверенных тонов и выдающихся наставительности статьи, хочу отметить два конкретных факта.

Подчеркивая, что Лев Толстой «очень любил обобщающие фразы», автор статьи в качестве иллюстрации приводит начальную фразу из «Анны Карениной»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, все несчастливые семьи несчастны по-своему». Но дело в том, что у Толстого нет такой фразы. Она читается у него так: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, **каждая** несчастливая семья несчастна по-своему». Именно в этом противопоставлении счастья счастливых семей и несчастья несчастливых семей и заключена сила этой мысли.

«В рассказе каждая фраза, а во фразе каждое слово должны быть необходимы и незаменимы», — заявляет О. Савич. У Л. Толстого это действительно так, и не было нужны изменять и заменять незаменимые слова, найденные им.

Далее, в статье О. Савич читаем: «Есть старое, как будто (?) — Г. А. избитое правило, которое часто любят цитировать Пушкин: «Все роды поэзии хороши, кроме скучного».

Но, в первых, такого правила нет, а есть цитатный афоризм Болтера: «Tous les genres sont bons, hors le genre épuisé», что значит: «Все роды литературы (а не только поэзии — Г. А.) хороши, за исключением скучного».

Второй, Пушкин не только сам не любил «часто цитировать», как уверяет О. Савич, но, напротив, выражал против того, что этим афоризмом злоупотребляют.

Золотое правило! Но оно обязательно не только для тех, кто собирается писать рассказы, но и (особенно!) для тех, кто будет учить молодые писательскиеcadры.

Г. АГАСОВ.
г. Тбилиси.

Памяти Михаила Фромана

Недавно в Ленинграде скончался Михаил Александрович Фроман.

Он был настоящий литератор: он брался за любую литературную работу, и не умел, все у него получалось. Всеми литературными профессиями он владел, как мастер и знаток.

Он был умный и своеобразный поэт. Маленький сборник его стихотворений под названием «Память», выпущенный лет пять тому назад издательством «Академия», теперь старательно разыскивается ценителями на полках у букинистов. С тех пор в ленинградских журналах время от времени появлялись новые стихотворения Фромана, всегда радовавшие читателя свежестью мысли и точностью формы. К сожалению, смерть помешала ему выпустить стихи последних лет отдельной книжкой.

Писал он и прозой. Многие помнят книгу его повестей и рассказов «Жизнь милой Ольги». Советские люди в ней изображены наблюдательно и ласково, природа отчетливо и ярко. Лучший рассказ в этой книге — «Смерть Чижевского» — о жизни и гибели ручного воробья по прозвищу Чижик и о построек военной железной дороги в Прикаспийских степях летом 1920 года.

Михаил Александрович работал и в кино. Он написал ряд сценариев для фильмов, и пьесы эти теперь поются во всех уголках нашей страны. Написал он также ряд книг для детей. Много сил и времени отдал он за последние годы стихотворному переписке.

Он был прирожденный переводчик, так как виртуозно владел стихом и областями, никогда не изменившими чувством языка. Его переводы из Киплинга и Гейне широко известны. Он много трудился над переводами из грузинских романтиков. Он должен был перевести Навою, но из-за болезни и смерти работы эта не осуществилась.

Для нас, ленинградских литераторов, смерть Михаила Фромана — очень тяжелая потеря. В течение почти двух десятилетий он был неизменным участником всех наших радостей и горечей. Он был постоянным советским поэтом, беллетристом и переводчиком, так как его требовательному и безызбичночному вкусу доверили. Поэты приходили к нему по вечерам почитать стихи и гордились, если их стихи ему нравились. Беллетристы дарили ему свои новые книги.

Ирина и потом тревожно спрашивали: «Прощай? Ну, как?». Ибо Михаил Александрович, при всей своей мятости (а человек был на редкость мягкий), высказывал свои мнения о книгах напрямик.

Но больше всего Фроман сделал, пожалуй, для ленинградских переводчиков. В течение многих лет он был их руководителем. Его руководство в известной мере обязывало мы повысить культуру художественного перевода за последние годы.

Он был оптимист, верил в людей, любил свою страну, свою работу не боялся смерти. Лет семь назад он напечатал стихотворение, в котором с удивительной точностью описал свою похорону:

Умру; весенним днем положят.

Меня в плазму, в красный гроб...

Он все угадал в этом стихотворении: даже что тем днем будут говорить за его гробом, даже погоду. Но стихотворение это николько не грустное. Поэта утешает мысль, что и он своим трудом участвовал в создании той радостной жизни, которая будет продолжаться и тогда, когда его не станет.

И все же он очень не хотел умирать. За несколько дней до смерти, лежа на койке в больнице им. Урицкого, создал он последнее свое стихотворение, полное несмыслицы о возражении к жизни. Вот оно:

В БОЛЬНИЦЕ

Не жалуюсь — я с жизнью был в ладу,
Я не ходил у нея на поводу,

Хозяином был ее саду.

И отдал дань веселю и труду.

Что говорить, прекрасен был тот сад...

Но было триста лет назад...

Я не был жален, многим уступал,

Но ничего на этом не терял.

Еще меня отсыда не гони!

Продли земные сладостные дни,

Чтоб полной грудью мне еще выплыть,

Чтоб всю страну, как этот сад, обять,

Чтоб комсомолом увидеть мне полную

ночи!

Дописать то, что он собирался ему не удалось. Но нам долги — собрать все то, что он успел сделать за свою полную труда жизнь, и познакомить с этим широкие круги советских писателей.

НИКОЛАЙ ЧУКОВСКИЙ.

г. Ленинград.

Чествование Нурпесса Байганина

В честь 80-летия казахского акына Нурпесса Байганина в Актюбинске состоялся торжественный пленум городского совета депутатов трудящихся с участием представителей общественных организаций города и знатных людей Казахстана. На пленуме после доклада о творчестве народного певца с приветственными речами выступили С. Кузнецова (областном), Д. Сагиев (согласованный писатель Казахстана), Е. Исмагилов (казахский филиал Академии наук СССР) и Н. Даирова (согласованный писатель Карагандинской АССР). На имя Байгира получены приветственные поздравления от союзов советских писателей братских республик и общественных организаций страны.

ГРУЗИНСКИЙ КОМИТЕТ ФРАНКО

ТБИЛИСИ. (От наш. корр.). Президиум союза советских писателей Грузии создал юбилейный комитет памяти великого украинского писателя Ильи Франко. В состав комитета вошли: Сандро Фула (председатель), Иасамани (секретарь), Симе Чиковани, Раильдзе, Гветадзе, Ал. Кутателадзе, Г. Кикашвили, Р. Абашвили, К. Лорткипанидзе, Бесо Жетиба, Лео Качали и Ал. Сулава.

Г. АГАСОВ.

г. Тбилиси.

«Мамонтовщина»

ВОРОНЕЖ. (От наш. корр.). В Доме творчества воронежских писателей «Эртэ» состоялось обсуждение первой книги народного певца М. Булавина «Мамонтовщина», над которой писатель работал более пяти лет.

Материалом для романа послужили события 1919 года, когда конный конвой генерала Мамонтова, совершив прорыв красного фронта у станции Колено, сделал попытку прорвать дорогу ленинградской армии к сердцу советской России — красной Москве. Эта авантюра окончилась бесславно для ее организаторов. Изрядно потерпевший корабль личного генерала принужден был искать путь обратно на Дон, спасаясь от полного уничтожения.

Роман М. Булавина будет напечатан в очерченном номере альманаха «Литературный Воронеж».

— Мамонтов — самый большой народный герой горцев, — говорит Гамзат. — Мой долг — воспеть его благородные дела.

Поэма о Мамонте будет моим подарком 20-летию автономии Дагестана Гамзату.

Первая часть поэмы Гамзата — рассказ о смерти Гамзат-Мамомеда и о героическом подвиге Чечни и Дагестана. Вторая часть — рассказ об истреблении ханов Аварии, о героических битвах при защите горных укреплений Ахульго, Дарго и о пленении Мамонта в ауле Гунб в 1859 году.

— Мамонтов — самый большой народный герой горцев, — говорит Гамзат. — Мой долг — воспеть его благородные дела.

Поэма о Мамонте будет моим подарком 20-летию автономии Дагестана Гамзату.

Гамзат Чаласса готовит еще один подвиг славному Юрию — поэму о народном герое — Махаче Дахадаеве. Махач в годы гражданской войны однажды вступил в борьбу за установление советской власти в горах. Сейчас готовится к выходу поэма о Махаче Дахадаеве.

Переводы из поэмы Гамзата сделали поэт А. Штейнберг, В. Любин, Н. Волынина, М. Замаховская, Б. Лейтин и В. Левик.

Этот поэт Иоханнес Барбарус, которого народ поставил во главе своего нового правительства, является автором более чем десяти поэтических сборников — «Катастрофы», «Фата-Мorgана», «Человек и союзник», «Геометрический человек», «Мультицилиндрический человек», «Мир открытъ», «Точка огня», «Рыбы на суша» и др. Эти книги отражают сложный творческий путь, пройденный поэтом. Наряду с некоторыми западными влияниями в его творчестве очень сильно чувствуется влияние русских поэтов и в частности В. Маяковского.

В настоящее время он пишет на русском языке воронежские избранные произведения Иоханнеса Барбаруса из пяти его поэтических книг — «Мультицилиндрический человек», «Мир открытъ», «Точка огня», «Рыбы на суша» и «Через порог».

В первом из них принял участие поэт А. Жаров, М. Зинелич, В. Инбер, Д. Кельянов, В. Левик, П. Пашинян, Е. Салоянский, И. Сельвинский, И. Френкель и В. Шершненович.

С. И.

НОВЫЕ КНИГИ

Рассказы Мих. Зощенко

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» выпустило в художественном оформлении книгу избранных рассказов Михаила Зощенко — «Уезжающие граждане».

В книге помещено 60 наиболее известных рассказов, написанных писателем за время от 1923 по 1938 годы, и небольшие повести «История одной жизни» и «Миша Синягин».

Книга выпущена с автографами Евгения Клебрика.

Оформление книги — В. Двораковского.

Стихи и песни М. Исановского

Государственное издательство «Художественная литература» выпустило книгу поэта М. Исановского «Избранные стихи и песни». В книге пять разделов. В первом разделе — «Ты со стране идешь» — помещены широко известные «Песня о Сталкне», «Стихотворение «У маевки Ленина», «Ты со стране идешь», «Песня о революции».

В трех других разделах — «Четыре эпопеи», «На счастливой земле», «Рассказы в стихах» — помещено более 30 стихотворений,